

ВЛАДИСЛАВ РЕЗНИКОВ

ПОЖАР

РАССКАЗ

— Пожар, — сказала София, и Борис тут же открыл глаза.

Стояли густые сумерки. Борис обнаружил себя выходящим из машины на открытой местности, перед горящим домом. Слышался треск его ломающихся внутренностей и гул бушевавшего пламени.

Дом полыхал преспокойно, никто его не тушил, пожарных поблизости не наблюдалось. Дому оставалось только выгореть дотла, чтобы гореть стало нечему, и только тогда пожар сможет прекратиться.

Перед домом в мешковатом сером одеянии стояла худая женщина. Она была неподвижна и тонка, похожа на сухую безжизненную ветку, отломанную от дерева и воткнутую в землю. Борису она показалась знакомой, но он посчитал свои догадки обманчивыми и отогнал навеянный мыслями образ. Сделав несколько шагов в её сторону, чтобы стало возможно рассмотреть лицо, он с трудом заставил себя поверить, что не ошибся, и что перед ним была действительно София.

— Что? Соня? Это ты? Соня? Что здесь происходит? — хмурясь и морщась от неприятия, заговорил Борис, но женщина не замечала его.

Без сомнений, это она. Борис понимал это так же ясно, как и то, что он был самим собой. Но она была не такой, какой должна быть. Он не видел в ней той женщины, которую любил и с которой делил жизнь последние десять лет.

РЕЗНИКОВ Владислав Григорьевич родился в Белгороде в 1978 году. Окончил Голицынский институт погранслужбы, юрист. Лауреат всероссийского литературного фестиваля-конкурса “Хрустальный родник-2011” в номинации “Проза” (Орел, 2011). Проза и стихи публиковались в газетах и журналах Ангарска, Белгорода, Вены, Горно-Алтайска, Грозного, Ижевска, Москвы, интернет-журнале “Пролог”, интернет-портале “Снежный ком”, альманахах и коллективных сборниках авторов Белгородской области (2001, 2004, 2007, 2009), сборнике “Берега России” (Москва, 2010).

Перед ним стояла София, но состарившаяся лет на... тридцать, а может, больше. Борис не знал таких глубоких морщин на лбу, на щеках Софии, и кончик носа её прежде не казался ему таким отвратительно крючковатым. Её длинные золотые волосы теперь были белыми. А в глазах столбом стояло пламя. Приблизившись вплотную и взглядевшись в них, Борис не смог распознать их цвет — их полностью занимало отражение огня.

Лицо было неподвижным, словно неживым, и молчаливо скорбным, будто перед ней была печь крематория, и там растворялась плоть и красными искрами развевался прах близкого ей человека.

Чуть позади неё в таких же серых одеждах стоял дед. Годов девяноста, а может — восьмидесяти. В густых обманчивых сумерках, в метаниях теней и огненных бликов этого было не разобрать. Весь серый, неподвижный и тоже очень худой. В глазах отражался тот же поток огня!

— Отец! — Борис подскочил к нему. — Вы как? Что здесь..?

Он не смог договорить, потому что у деда было лицо Бориса, только старое, серое, высушенное, лицо человека, уже прожившего свою жизнь. Борис отшатнулся, понявшись. Старая София и Старый Борис смотрели на горящий дом, в котором горела их жизнь, сторали они сами, превращаясь в серые пепельные силуэты.

— Пожар.

София сказала одно лишь слово.

Оно прозвучало задумчиво, как-то удивлённо и как-то звонко в тишине салона машины, мчащейся по вечерней трассе. София смотрела в окно, уткнув в него ноготок, и указывала на то, что привлекло её внимание.

За окном сумерки уже насытились темнотой, но остатки уходящего солнца ещё позволяли видеть живописный загородный пейзаж.

Прямо от обочины начиналось розовое поле цветущей гречихи, за ним метров через пятьсот — такое же поле жёлтого цветущего подсолнечника. За ним низина, возможно, речка, какой-нибудь приток Северского Донца или чего-то ещё, что протекает на стыке Корочанского и Губкинского районов Белгородской области. За рекой в горочку поднимались луг, широкая лесополоса и, возможно, окраинные дома какого-то сельского поселения. Всё это в густой синей гамме приближающейся ночи.

Когда раздался звонкий голос Софии, Борис какое-то время продолжал сосредоточенно следить за дорогой, исчезающей под капотом машины в ярком облаке света фар. Он был молчалив и мрачен в своих мыслях, которые вмиг накрутились вокруг услышанного слова, как пышная сладкая вата, выдуваемая из сахарной печи, закручивается вокруг деревянной палочки.

Только брови его приподнялись в знак того, что он её слышит. Но София уже смотрела на него и ждала более конкретной реакции. Он засёк это боковым зрением и перевёл взгляд в окно у пассажирского сиденья.

Мельком взглянул и на саму Софию, на её прекрасные золотые волосы, чтобы убедиться, что она снова была молодой, снова красивой, и не было тех глубоких морщин на её лбу и вокруг глаз, и не ползли они по щекам вниз, и что губы её ещё розовые и, должно быть, мягкие. Убедившись, он перевёл взгляд туда, куда показывала София.

Да, действительно. Вдалеке на общем синем фоне отчётливо виднелось оранжевое пятнышко, по всей видимости, чего-то горящего. Он отвернулся и снова сосредоточился на управлении машиной. Как она его там разглядела, подумал он. С другой стороны, не заметить невозможно.

Где-то там, там, там...

За полями, за низиной, где могла течь река, за лугом, где могло начинаться село или хутор... Километрах в пяти, а то и десяти от трассы жирной оранжевой точкой что-то, похоже, и впрямь горело. Если не сказать, полыхало, заливаясь и брызжа языкастым пламенем.

— Пожар! — настойчивей повторила София, и Борис снова поднял в ответ брови.

Он почувствовал, как она, второй раз произнося это слово, слегка потрясла головой, и точно так же потряс в ответ своей. За много лет, прожитых вместе, Борис научился угадывать движения и мимику Софии, которые сопутствовали произносимым ею словам.

- Что? — спросила она.
- Что? — переспросил он.
- Ты ничего и не скажешь?
- А что сказать?
- Ну, горит же!

Она даже достала из-под пледа, которым была укрыта с ногами и до плеч, и продемонстрировала ему открытую правую ладонь, в знак того, что как он мог так спокойно это произносить?!

Борис любил эту ладонь! Не только её, конечно, — он любил каждый сантиметр тонкого тела Софии, но правая ладонь её была особенной — линия жизни на ней прерывалась точно посередине и через пять миллиметров спокойно продолжалась дальше, представляя собой две половинки разведённого моста. Точно, как на его собственной правой ладони.

— Ну, горит, — спокойно сказал он.

— А вдруг там!.. — она сделала паузу, но больше ничего не сказала, отмахнулась и отвернулась к окну, за которым далеко-далеко уже почти в полной темноте бесновалось оранжевое пятно.

— Да, вдруг, — утвердительно и спокойно сказал он.

В продолжение словам “вдруг там” София умолчала слова “ребёнок или котёнок”, жизнь которых в этот момент могла находиться в опасности. Как-то раз, давным-давно она это сказала, что, мол, как ты можешь оставаться равнодушным (или спокойно проходить мимо, или ничего не делать), а вдруг там ребёнок? Или котёнок? Ну, это как, идёте вы по городу, а посреди тротуара открыт канализационный люк, и крышка рядом. Это же опасно! А вдруг какой-нибудь ребёнок не заметит... Или котёнок маленький... С тех пор это стало одной из фраз, которые обычно существуют в мире только двух человек и имеют значение только для них двоих.

Крыша дома рухнула внутрь. Кирпичная коробка выгорела насквозь, и непонятно, что ещё внутри там могло гореть? Даже не догорать — пылать! Красные струи вырывались в небо из дверного проёма и пустых окон, как из двигателей стартующей ракеты. Постаревшая на целую жизнь София, как под гипнозом, смотрела на горящий дом. За ней постаревший на целую жизнь он сам. Стоят. Молчат. Смотрят. Только пламя прожорливо гудит непрерывным зловецким фоном.

И вдруг!.. Там, внутри... Что это? Откуда ему там взяться? Но ведь!.. Как?!

Там же всё уже должно стать пеплом. Там кирпич должен был прокалиться насквозь до красноты... Это было невозможно, но Борис слышал плач ребёнка! Совсем ещё маленького, грудного. Разве может детский плач быть громче гула пожара? Да и вообще разве он может там быть?! Отчаянный, безутешный детский плач, усмирить который в силах только нежные мамины руки, плач, который часто им слышался за стеной, в соседней квартире, но никогда в своей.

Он был. Там! Но как?

Где там могло находиться живое дитё? Да любое живое существо! Там не может быть жизни; там огонь сожрал всю жизнь, сжёг кислород внутри и теперь рвётся за ним красными ручищами наружу; там температура, как на поверхности солнца! Но прямо оттуда, из глубины объятого огнём дверного проёма доносился детский плач.

— Там ребёнок! Там ребёнок, в доме! Вы слышите? Соня, ты слышишь?! Чей это дом? Чей ребёнок? — кричал Борис.

Ответом ему было пронзительное, громкое, жалобное и тоже из огня — “мяу!”

— Может, службу спасения? — снова заговорила София.

Борис уголком рта улыбнулся.

— Ну что ты ржёшь?! — София включила экран телефона. — Вызвать?

— Вызови.

— Вот только куда вызывать?

Борис молча, не глядя, вытянул правую руку в сторону, едва не попал указательным пальцем в глаз Софии и ткнул в окно, указав на оранжевое пятно. Тем временем до его слуха донёсся протяжный гудок.

— Ты что, в самом деле звонишь? — (второй протяжный гудок).

— Угу.

— И что ты им скажешь? — (третий гудок).

— Что, что? Что пожар, скажу! — (четвёртый гудок). — Они там что, спят, что ли?

После пятого протяжного гудка в трубке Софии раздался дребезжащий от помех, но всё же слышимый женский голос.

— Здравствуйте! Служба спасения Электроуглей слушает. Что у вас случилось?

— Чего? — спросил Борис. — Каких углей?

— Здравствуйте, — ответила София, — а что за Электроугли? Зачем нам Электроугли? Мы из Белгорода звоним.

— Из Белгородской области, — поправил Борис.

— Из Белгородской области, — сказала в трубку София.

— Мы отследили ваш звонок, — говорил голос из трубки, — и видим вас на карте Московской области, город Электроугли... — помех на этот раз было больше, треск в трубке стал громче и нарастал волнами, и уже с трудом удалось разобрать повтор вопроса: — Можете сказать, что у вас случилось?

— Нет-нет, мы в Губкинском районе Белгородской области... Или Корочанском...

— Вы двигаетесь в сторону... (треск помех не дал расслышать, куда, по мнению оператора, они двигались). У вас транспортное средство с госномером... (треск помех полностью заглушил голос оператора).

В трубке возникла тишина, и лишь негромкие фоновые шумы давали понять, что разговор ещё не прервался. София продолжала говорить, прижимая телефон к уху.

— Мы движемся в Белгород и видим пожар! В нескольких километрах справа от трассы. Темно, ничего не видно, но видно, что сильно горит! Алло! Алло!

В трубке была тишина. София посмотрела на экран.

— Блин! Нет сигнала! Может, радио включим? Может, скажут чего? Что за Электроугли такие?

Пламя пожара ослабевало, стало терять свой насыщенный, агрессивный жар и угасать. Слово ракетные двигатели сбавили свои обороты и теперь остывали. Борис увидел, что у старой Софии цвет глаз стал голубым. Почти таким, каким Борис знал его всю жизнь. Бледно-голубой и мерцающий, время от времени вспыхивающий, как будто от слабых электрических разрядов. В эти глаза он был влюблён с первого взгляда и по сей день.

Борис увидел, что и у старого Бориса теперь такие же бледные и мерцающие глаза. Огонь, отражавшийся в них, уже не пылал, а тлел ещё горячими и вот-вот снова готовыми разгореться углями. Но не красными, не огненными, а голубыми, электрическими.

От полностью прогоревшего дома остался лишь скелет, пустая каменная коробка, по которой то и дело, как последние признаки жизни, пробегали белые электрические разряды.

Борис удивился, что всю дорогу они ехали в тишине, и включил радио. Радио не передавало ничего. Но Борису послышался тихий и очень далёкий вой сирены. Он сразу представил машины пожарной бригады с мигалками, мчащиеся тушить пожар по их вызову.

— Ты слышишь? — спросил он у Софии.

— Что?

Борис прислушался. Ничего. Добавил громкости. Пощёлкал станции, pokrutil громкость. Радио молчало. Показалось.

— Связи нет, — сказала София, — ни одного деления, значок вообще пережёрнут.

И вдруг как завизжит, заорёт:

— Поворот! Поворот, поворот! Боря! Боря, Боря, поворот!

Борис вздрогнул, а София вся сияла и только в ладоши не хлопала.

— И что?

— Ну как что? Ты же не собираешься его проехать?

— Конечно, собираюсь.

— Серьёзно?! Ну, а вдруг же там?!.. — София почти прокричала эти слова.

— Ну, что вдруг?! Что вдруг?! — Борис тоже не выдержал и сам повысил тон: — Мы видим его уже минут десять, пока едем. А горит он сколько? Может, полчаса, а может, час! Там огонь уже камня на камне не оставил. Если что-то или кого-то можно было спасти, то это или уже сделали, или уже ничего не сделать! И я что, спасатель? Пожарный? Блин!

София молчала. Борис резко вдавил на тормоз. Машина резко сбавила скорость перед самым поворотом и плавно вошла в него.

— И нет никакого “а вдруг там”! Уже. Нет. Проехали.

София молчала. Только уголок рта обозначал её благодарную улыбку действиям мужа, хоть уже и бывшего. Она понимала, что Борис не обязан следовать её капризам, стремиться спасти какого-то придуманного ею “ребёнка или котёнка”, которых, ни одного, ни другого, у них не было. Не получилось за десять лет, как ни пытались. Каких только анализов ни сдавали и каких только врачей ни посетили, и каких только препаратов им ни прописывали, — нет! Ни приливы, ни отливы, ни фазы Луны, ни календари, ни декады, ни самые благоприятные для зачатия дни — нет. Ничего. Оба здоровы, оба в полном порядке и оба в полном беспорядке. Она чувствовала вину в том, что случилось, вину за то, что не смогла подарить детей любимому человеку и что больше не могла с этим жить, и больше не могла с ним жить.

София понимала, что он вполне мог оставить её в Старом Осколе у родителей, куда они заехали на чай, ничего не сказав про их развод, но, похоже, что вместе в последний раз, с её экземпляром свидетельства о расторжении брака по обоюдному согласию супругов или посадить на такси, или довести до автовокзала ждать рейсовый автобус, но он не оставил её, а повёз домой. И точно так же она знала, что он её не оставит и повезёт домой; и что ей не придётся просить его, а она бы и не стала, а он бы и не позволил, предложил бы заткнуться и лезть в машину. И она была благодарна ему за это. И за то. И за всё. Благодарна за то, что он... такой.

Добрый? Отзывчивый? Ответственный? И любила его за это.

Дорога тоже была асфальтовой, но уже далеко не новой, не такой ровной и гладкой, как шоссе. Мелкие камни, шероховатости, трещины на поверхности сделали движение медленным, добавили в салон тряски и шума. Оранжевое пятно огня оставалось ещё слишком далеко, чтобы понять, что горело, тушили или нет, был ли кто в опасности, есть ли погибшие? От совершаемых манёвров и неровностей ландшафта оно какое-то время оставалось видимым уже впереди, в лобовом стекле, тряслось и мерцало, то и дело прячась в листе посадки, а потом и вовсе пропало.

— Ну, и?.. — сказал Борис.

София молчала.

Борис представлял и даже видел, как она поджимала губы и вematривалась вдаль, задумчиво опускала уголки рта, наклоняла голову то вправо, то влево, словно гнбая препятствия, мешавшие зрительному контакту, и не знала, что сказать.

Несколько минут они так и ехали, молча, наугад, по инерции, в заданном направлении, совсем потеряв из виду свой огненный ориентир, как вдруг изгиб дороги осветил свет встречных фар.

Это был старенький пожарный “ЗИЛ”. Он стоял у обочины, а дорога заканчивалась, упираясь в небольшую площадку, вроде парковки или конечной остановки и места разворота какого-нибудь местного автобусного маршрута. По правую руку от неё начинался лес, а по левую уходила вдаль грунтовая дорога, которая могла быть началом сельской улицы, возможно, единственной.

Прямо перед машиной, с противоположного края “парковки” стоял дом.

И он не горел.

Дом не горел, не пылал и даже не тлел. Никакие электрические угли не раздувались ветром, не светились и не грели. Это была краснокирпичная коробка двухэтажной постройки, нежилой и заброшенной, с чёрными провалами в пустоту вместо окон и входной двери, в которую было страшно смотреть. На её месте был самый большой провал, похожий на раскрытый рот мертвеца, у которого отсутствовала нижняя челюсть, а обломки кирпичей сверху походили на десны с выбитыми зубами.

— Это он? — сказала София.

Борис остановился со своей стороны дороги, напротив пожарного “ЗИЛ”а и вышел из машины.

Воздух был влажным, почти сырым и прохладным. Пахло лесом и мягкой землёй. Слышалось кукуканье, стук дятла, уханье совы, стрёкот ночных сверчков. Наверное, недалеко было болото.

Через дорогу трое пожарных что-то грызли, похожее на печенье, и пили дымящийся чай из термоса. Тихо разговаривали. Когда Борис вышел, повернулись к Борису.

— Здравьете, — сказал он пожарным, переходя дорогу.

— Здравьете, — сказали ему пожарные.

— Парни, а там что? — он махнул рукой в сторону дома. — Что-то горело?

— А вы что? Что-то видели?

Пожарные перестали жевать. Борис заметил, что грызут они не печенье, а брикеты ролтона. У одного в руке развёрнутый конверт из фольги, а в нём — запечённая и разрезанная на четыре равные части домашняя котлета.

— Да нет... Не знаю, честно говоря, — сказал Борис, — мы на Белгород ехали, показалось, что горит что-то. Вот... Свернули, решили проверить, может, помощь нужна какая? А пока ехали, то потеряли из виду... пожар этот. Вот, приехали... и вы тут.

Борис слышал, как сзади тихо хлопнула дверца машины.

София подошла к дому. Укутанная в плед, который сама и связала, остановилась метрах в десяти перед дверью. Как раз там, где Борис видел её состарившейся. Тонкая, как травинка, но никак не сухая, как отломанная ветка, а полная жизни, красивая, нежная. Борис ещё не верил в то, что они сами это сделали, не мог принять то, что они уже не семья, а два слабых человека, добровольно решивших сдаться.

— Или что? Ложный вызов был? — спросил Борис, всё еще примагниченный взглядом к бывшей жене.

Пожарный сделал шаг назад и в сторону, показывая Борису что-то за своей спиной. Двое других тоже расступились, и Борис увидел, что пожарных не трое, а четверо. Четвёртый сидел спиной к проезжей части, склонившись над чем-то, что держал в руках, и покачивался взад-вперёд.

— Вызов был не ложный, — сказал пожарный, — анонимный, из Москвы откуда-то на нас перевели, сказали пожар и дома этого координаты. Мы-то знаем, что дом не жилой уже лет так пятьдесят. Но там Москва, там им виднее, где горит, вызов принят, надо ехать. Приехали, а тут... Гореть, конечно, ничего не горело. Да вот, нашли в самом в доме. Кто знает, сколько он лежал там? А сколько бы еще пролежал, если бы не этот звонок?

Ребёнку было, может быть, пару дней от рождения, может быть, неделя. Раскрытые бледно-голубые глазки смотрели прямо в глаза Борису. Щёчки были чумазыми, перепачканными, но лицо казалось здоровым, и он улыбался.

— Смотри, смотри, улыбается! — послышался тихий бас пожарного, который держал ребёнка, — кто там? Дядя? Дядя тебе понравился?

София возвращалась. Обе руки прижимала к пледу перед грудью, одной ладонью накрывала другую.

— Смотри, кто здесь у меня! Сидел там один, в этом доме, как в пасти чудища, дрожал весь, маленький. Замёрз совсем. Себе заберу.

Она приподняла верхнюю ладонь, как будто приоткрыла створку раковины, и оттуда немедленно поднялись два чёрных уха, показались две голубые горошины глаз на полностью чёрной морде размером с пятирублёвую монету. Чёрный носик тыкался в пальцы, и рот раскрывался беззвучно, словно у котёнка не было сил даже мяукать.

— Попросим дядьку этого отвезти нас домой? У тебя теперь будет свой дом, своя коробка, много еды и игрушек.

Котёнок с запасом уместился в её ладони. На вид казалось, что он вот только, может быть, впервые в жизни открыл глаза и увидел мир. София гладила его одним пальцем.

— Ну, а у вас тут что?